

С. О. Шмидт

ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
В КУЛЬТУРЕ ПОЗНАНИЯ
ИСТОРИИ РОССИИ

ТОМ 1

Допетровская Русь

КНИГА 2

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2008

ББК 63.3(2)4-3в6

Ш 73

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Шмидт С. О.

Ш 73 Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. 1: Допетровская Русь. Кн. 2. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 406 с. — (Studia historica).

ISSN 1727-9968

ISBN 5-94457-124-1

В книге избранных трудов видного историка и культуролога С. О. Шмидта объединены работы, написанные в течение более чем пятидесяти лет. Это труды по истории и культуре России XII—XVII веков, о взаимодействии исследований собственно исторических и в жанре других гуманитарных наук, о приемах извлечения информации о культуре России из памятников письменности, о развитии знаний о памятниках письменной культуры и их источниковедческом потенциале. Издание объединяет в первой части книгу 1983 г. «Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного» и статьи о памятниках письменности XII—XVII столетий («Слове о полку Игореве», летописях, сочинениях публицистов XVI в. (Ивана Грозного, Курбского и др.), посольских книгах, приказном делопроизводстве). Во второй части — материалы о памятниках письменности XVI—XVII вв. (документальные публикации и исследования), статьи об истории изучения таких памятников и о виднейших отечественных ученых-гуманитариях. В приложении дается подборка отзывов на современные исследования.

ББК 63.3(2)

© С. О. Шмидт, 2008

© Языки славянских культур, 2008

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 491

О памятниках письменной культуры XII—XVII столетий

Посольские книги Российского государства XV—XVI столетий как памятник истории и культуры	493
Документы внешних сношений и развитие культуры Руси допетровского времени	501
«Сказание о взятии Астрахани» в летописной традиции XVII — начала XVIII веков.....	512
О рукописном сборнике с Кратким летописцем	517
Предпосылки «устной истории» в историографической культуре России	525
«Московское государство»: к объяснению наименования Российского государства XVI—XVII столетий.....	527

Публикации письменных памятников Древней Руси

Предания о чудесах при постройке новгородской ропаты.....	575
«Слово о Дариане-царе» в рукописной книге XVI века	583
Малоизвестная запись новгородского книжника XVI в.	587
Сказания об афонских монастырях в новгородской рукописи XVI века	589
«Врачебница мудра зело» (по рукописи XVII века)	597
Поздний летописчик со сведениями о истории России XVI в.	599
«Повесть о начале Оранского монастыря» (к истории монастырской колонизации XVII в.)	606

Об изучении культуры Древней Руси. Статьи. Отзывы

О сводном каталоге рукописных книг, хранящихся в СССР.....	625
О книгах серии «Памятники литературы Древней Руси»	631
Первое издание «Слова о полку Игореве» в развитии культуры России.....	632

О книге Б. А. Рыбакова «Слово о полку Игореве» и его современники»	648
Книги Г. К. Вагнера о древнерусской скульптуре в контексте изучения культуры той эпохи	654
О книге Н. В. Синецкой «Максим Грек в России»	664
Рецензия на книгу «Послания Ивана Грозного»	672
А. В. Арциховский и его книга «Древнерусская миниатюра как исторический источник»	684
О книге А. А. Амосова «Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование»	697
О труде В. А. Колобкова о митрополите Филиппе и его житии	705
Исследование Н. Н. Зарубина «Библиотека Ивана Грозного и его книги»	708
О труде М. И. Слуховского «Была ли библиотека Ивана Грозного?»	724
О книге М. В. Кукушкиной «Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков»	727
О книге «Повседневная жизнь дворцового села Измайлова в документах приказной избы последней четверти XVII века»	735
Предисловие к книге трудов М. Н. Тихомирова «Русская культура X—XVIII веков»	737
Издание и изучение наследия М. Н. Тихомирова. Тихомировские традиции	742
Памяти В. П. Адриановой-Перетц	756
Автор монографии об Архангельском соборе в Кремле Е. С. Сизов	764
Выступление в Центре славяно-византийских исследований «Иван Дуйчев»	766
Памяти М. В. Щепкиной	770
Памяти архимандрита Иннокентия (Просвирнина)	772
К изучению истории советской археографической культуры (к юбилею Д. С. Лихачева)	779
Сборник статей Д. С. Лихачева «Введение к чтению памятников древнерусской литературы»	788
Послесловие к новому изданию книги Д. С. Лихачева «Текстология. Краткий очерк»	794
Предисловие к факсимильному изданию Лицевого летописного свода	800

Отзывы на диссертации и авторефераты диссертаций

Н. Н. Розова «Русская книга XI—XIV вв. Опыт историко-культурного исследования старейших памятников русского языка»	811
В. Д. Лихачевой «Искусство книжной графики Византии»	812

Е. К. Пиотровской «Фрагменты “Христианской Топографии Козьмы Индикоплова” в древнерусской письменной традиции»	813
О. В. Творогова «Русские хронографические своды XI—XVI вв.»	814
Н. В. Сеницыной «Федор Иванович Карпов — дипломат, публицист XVI века»	818
И. В. Курукина «Сильвестр: Политическая и культурная деятельность (Источники и историография)»	826
А. В. Сиренова «Степенная книга как исторический источник (редакции XVI — начала XVII в.)»	828
С. А. Елисеева «“История о великом князе Московском” А. М. Курбского как памятник русской исторической мысли XVI века»	829
Г. И. Саркисовой «Количественный анализ стиля политических сочинений Русского государства XVI в.»	832
В. Д. Черного «Историко-географическая среда в миниатюрах Лицевого летописного свода XVI века (Опыт культурно-исторического исследования)»	835
И. П. Болотцевой «Ярославская иконопись второй половины XVI—XVII века»	837
Э. Д. Банёниса «Посольская служба Великого княжества Литовского (середина XV в. — 1569 г.)»	838
Л. А. Юзefовича «Посольский обычай Российского государства конца XV — начала XVII вв.»	840
В. И. Гальцова «Архив Посольского приказа в XVII веке (Опыт изучения описей Посольского архива)»	841
А. А. Амосова «Архивы Двинских монастырей. Очерки по истории организации и складывания архивов духовных консисторий»	844
Н. Ю. Бубнова «Источники по истории формирования идеологии раннего старообрядчества»	845
А. С. Демина «Новые художественные представления о мире, природе, человеке в русской литературе второй половины XVII—XVIII в.»	846
Список сокращений	848
Хронологический перечень работ, опубликованных в книге	858
Именной указатель	861

О ПАМЯТНИКАХ
ПИСЬМЕННОЙ
КУЛЬТУРЫ
XII—XVII
СТОЛЕТИЙ

ОТ АВТОРА

Принцип отбора материалов для этого издания избранных трудов обосновывается в авторском предисловии к первой книге первого тома двухтомника «Памятники письменности в культуре познания истории России». Объединены труды и собственно исторической тематики (о явлениях государственно-политической истории и истории общественной мысли и культуры) и о путях постижения знаний об этом — о методологии и методике исследований, особенностях источниковедческого мышления историка. Потому-то в первом томе, озаглавленном «Допетровская Русь», и книга о Царском архиве и лицевых летописях времени Ивана Грозного, исследовательского типа статьи о памятниках письменной культуры XII—XVII веков, публикации таких памятников и работы об их изучении, включая отзывы на различные издания, а также диссертации и авторефераты диссертаций.

Публикуемые тексты можно рассматривать и как историографический источник, отражающий повседневность отечественной исторической науки советского и постсоветского периодов, — и уровень научных знаний (фактологического материала, методических навыков, освоения историографического наследия), и общественное сознание, даже общественно-политическую ситуацию определенных лет. Большинство материалов — перепечатка ранее издававшегося (и иногда не раз), но в текст не внесены изменения, кроме необходимых для унификации научного аппарата в соответствии с современными рекомендациями (немногие уточнения, исправления, дополнения отмечаются).

Автор глубоко признателен тем, кто включил эти книги в Федеральную целевую программу изданий, руководителям и редакторам издательства «Языки славянских культур», ближайшему помощнику в работе в последнее десятилетие А. В. Мельникову.

ПОСОЛЬСКИЕ КНИГИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА XV—XVI СТОЛЕТИЙ КАК ПАМЯТНИК ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ*

С конца XV в. постепенно возобновляются широкие международные связи России и соответственно упорядочиваются формы ведения дипломатических переговоров и письменного делопроизводства внешних сношений. Эти памятники делопроизводства, в виде книг, столбцов и грамот, оказались сосредоточенными сначала в Царском архиве, а затем (не позднее начала XVII в.) в архиве Посольского приказа и назывались «посольские дела» или по наименованию государств — «дела крымские», «дела датские» и др.¹ Дошли эти документы до нас не полностью, и уже в архивных описях XVII в. отмечалось отсутствие целых групп дел, отдельных «дел» или частей (листов) их. Сохранившиеся посольские дела конца XV—XVII в. сосредоточены преимущественно в Российском государственном архиве древних актов в Москве. Некоторые посольские дела, особенно за XV—XVI вв., опубликованы².

Посольские дела включают материалы о снаряжении русских посольств (во главе с послами или посланниками) или гонцов (напоминавших по своим обязанностям дипломатических курьеров последующего времени), о приготовлении «поминков» (подарков), грамоты главам государств и их ответные грамоты, указы посольствам, «вести» (донесения, иногда пространные) от русских дипломатических представителей за рубежом, отчеты посольств, материалы о приезде иностранных посольств, гонцов, купцов, об организации внешней торговли, международные договоры. (Договоры, устанавливающие «рубежи» — границы Российского государства с соседними, содержат важные данные для исторической географии.)

Копии грамот, указы, отчеты (а нередко и другие документы) переписывались набело со столбцов в тетради, которые затем переплетались в книги, где обычно — в хронологической последовательности — объединялась документация

* Статья 1989 г. для: *Die slavische Völker und ihre Nachbarn in Kultur und Geschichte*: [Сб. статей в честь профессора Э. Доннерта], готовившегося в университете в Галле. Впервые опублик. в кн.: Шмидт С. О. *Россия Ивана Грозного*. М., 1999. С. 448—455.

нескольких посольств. С середины XVI в. постоянной становится форма наказа послам и отчета послов (а также и некоторых других документов внешних сношений) в виде статейных списков, составленных по разделам-«статьям», обычно выделяемым абзацами. Потому-то посольские книги часто называют в литературе «статьейными списками».

В наказах формулировались задачи посольства (в том числе и тайные, для чего составляли особые указы) и предусматривались ответы на возможные вопросы о событиях в России и в соседних с ней государствах. Тем самым посольские дела становятся важным источником по истории не только внешней политики и внешней торговли, но и внутренней политики Российского государства, характера организации общественной информации.

Отчет состоял чаще всего из последовательных ответов по всем пунктам наказа («про что проведено и про что не проведено») и дневниковых записей о пути посольства (с указанием где, когда были, что видели, с кем и о чем говорили и т. п.), встрече и приеме посольства, о ходе и результатах дипломатических переговоров. Здесь же, а иногда и отдельно, помещались «вести» (копии или пересказ документов и «речей», данные о визуальных наблюдениях) о государственных деятелях, о внутренней и внешней политике государств, где находились послы, а также и других государств. Например, передаются слова королевских советников о психически нездоровом шведском короле Эрике XIV: «Не сам у себя своей персоной» (1567) — или о казни графа Эссекса в 1603 г.: в Лондоне «было великое сетование и плачь великой во всех людех». И подобных замечаний можно обнаружить очень много.

Дневниковые записи вел подьячий или даже дьяк, а посол правил («чернил»). Посольские подьячие, исполнявшие обязанности секретарей посольства, были обычно людьми достаточно образованными, приметливыми, хорошо осведомленными об основных явлениях российской действительности^{1*}. Записи велено было составлять «тотчас подлинно, ничего не прибавляя и не убавлявая». Потом (возможно, даже уже по возвращении посольства) дневник редактировали. Следовательно, переписанный в посольскую книгу отчет не всегда был идентичным тому, который составляли на месте, — в нем могли оказаться отступления от первоначального текста, зачастую более правдиво отражавшего события. Поэтому особую ценность имеют дошедшие черновые записи дневникового характера. Редактирование текста проводилось согласно определенным традиционным взглядам,

^{1*} Дмитрий Герасимов, начинавший служебную карьеру в конце XV в. переводчиком («толмачом») с латыни, выполнял посольские поручения в Швеции, Дании, Пруссии, в Вене, в 1525 г. был отправлен послом в Рим. На основании именно его рассказов известный итальянский гуманист-публицист П. Джовио (Павел Йовий) описал Россию. Именно подьячий Посольского приказа Г. Котошихин, бежавший за рубеж, написал в 1660-е годы по заданию шведского правительства сочинение о России, где детально охарактеризованы государственный строй и придворный обиход.

отражавшим представление и о государственно-политическом и о литературном этикете.

Для посольских дел XVI в. — особенно наказов послам и ответов посольств — характерны текстуальные повторения. Это свидетельствует и о том, что при составлении очередных наказов и отчетов обращались к образцам прежнего времени. Известно и то, что перед отправлением посольств за рубеж участников их знакомили с документами прежних посольств в это государство, а также с материалами об истории и обычаях страны (и, видимо, с имеющимися в Москве сочинениями иностранцев о России). Имелись и особые книги образцов обращений к русскому и другим государям. Так определяется возможность выяснения путей формирования стандартов языковой практики российских дипломатов. Тем больший интерес имеют отступления от подобного порядка, вызванные как особенностями политических обстоятельств, так и тенденцией освежения, обогащения языка посольских документов.

Посольские книги первоначально использовались учеными при изучении истории внешней политики и дипломатии. Затем к ним стали обращаться историки и правоведы, исследующие историю государственного строя и общественного сознания³. Из посольских книг черпают сведения по истории государственных учреждений, организации делопроизводства и архивного дела, изучающие посольский обычай⁴, личный состав служилых людей, генеалогию. Посольские книги все больше привлекают внимание содержащимися там данными о внутренней политике России, о развитии общественно-политической мысли, культуры, языка⁵. В последние десятилетия — и в нашей стране, и в других странах — постоянно выходят труды, в той или иной мере опирающиеся на материал посольских книг⁶.

Посольские книги рассматривались московским правительством как источники информации международного общественного мнения — «всей вселенной» (выражение, характерное и для посольских документов, и для посланий царя Ивана). И в практике посольских переговоров нередко было ознакомление иностранных послов с содержанием отдельных дипломатических документов, касающихся сношений с другими государствами (в частности, во время споров о титуле московского государя).

В посольских книгах находим сведения о правительственной интерпретации событий и внутренней и внешней политики Российского государства. Они помогают удостовериться в том, что в Москве старались представить опричную реформу актом не государственного значения, а касающимся лишь государева двора. В 1566 г. литовскому гонцу назначенные к нему приставы обязаны были говорить: «...у государя... никоторые опришнины нет; живет государь на своем царском дворе, и которые государю дворяне служат правдою и те при государе и живут блиско; а которые делали неправды и те живут от государя подале», а слух об опричнине объясняли «мужичьим» невежеством («а мужичьим речам чего верити?»); в 1569 г. пребывание царя в Александровской слободе наказано было разъяснять

так: «...государская воля, где хочет, тут живет, а то село близко Москвы, а государь живет для своего прохладу, а государство свое правит на Москве и в слободе»⁷. Не случайно в годы опричнины Посольский приказ продолжал официально сохранять значение главного органа внешних сношений Российского государства (и даже Курбский не считал нужным в рассчитанной на зарубежного читателя «Истории о великом князе Московском» отметить именно государственное значение реформы).

Любопытно, в частности, какие объяснения следовало давать послам в Польско-Литовское государство в ответ на возможный вопрос о бегстве Курбского. По наказу 1565 г. должно было отвечать, что царь «пожаловал его великим жалованьем не по его отечеству», что отец и дед Курбского «в таком приближеньи и жалованье государском не бывали» и что государь «его хотел понаказати» за «изменные дела»; в наказе 1567 г. предусматривается более развернутый ответ: Курбский хотел «над государем», женою его и детьми «умышляти всякое лихое дело», «учал ся звати вотчичем ярославским, да изменным обычаем с своими советники хотел на Ярославли государити да многие изменные дела учал над государем умышляти и над его государскими детьми и государской земле учал всякое лихо умышляти» (здесь явно обыграно самоназвание «князь Ярославский» в послании Курбского царю 1564 г.; с посланием — как верно полагал царь — были, конечно, знакомы в Польше).

Обращения в посольской документации к «историческим» преданиям, напоминания наряду с общепризнанными тогда «фактами» из Библии и о событиях древнеримской, византийской, древнерусской истории помогают составить мнение и об уровне историко-социологических построений, и о сфере конкретно-исторических знаний, и о системе «исторических доказательств» и их опровержении.

В посольских делах формулируются и положения о праве государя вся Русь не только на те земли, которые ныне за ним, но и на те, которые принадлежали его предкам — государям Древней Руси («Вся Русская земля от старины от наших прародителей наша отчина», — утверждал еще Иван III). Там же находим и обоснование взглядов на соотношение прав наследственных и выборных государей: московский царь, как «отчич и дедич» и наследник «по Божьему изволению», противопоставляется польскому королю, избранному «по многомятежному человечества хотению», и незнатному шведскому королю; английскую королеву укоряют в зависимости ее от парламента и торговых компаний. Так в международные отношения вносятся элементы местнической идеологии. (Сравнительное изучение соответствующих формулировок местнических дел и посольских документов могло бы стать темой особого исследования.)

Установлено, что в посольских книгах отражены некоторые положения, характерные для литературных публицистических памятников официальной идеологии; имеются даже пересказы их содержания, цитаты. Так, положения, развитые в «Сказании о князьях Владимирских», повторены неоднократно в польских посоль-

ских книгах, так как польские короли упорно не желали признавать царский титул Ивана Грозного, а позднее и других государей. Ссылки на получение царских регалий Владимиром Мономахом становятся как бы стандартом в дипломатических переговорах с середины XVI в. («а от начала у государей наших в обычае лежит: которой венцом венчается на царство, тот и пишется»). Но к этому добавляется еще и получение московским государем прав царя казанского, а затем и астраханского, т. е. исторические предания как бы выстраиваются в один ряд с недавними государственно-политическими приобретениями. Отмечается и международное значение венчания Ивана IV на царство в 1547 г., установившего официально единовластие («занеже ныне землю владеет государь наш один»).

Прослеживается употребление в посольских документах фразеологии и терминологии (авторские слова и цитаты) современной публицистики. Толкование слова «правда» побуждает вспомнить сочинения Ивана Пересветова. Близки к его соображениям и некоторые формулировки посольских книг об обязанностях подданных по отношению к государю, о значении для них воинской службы и пр. («Из давних лет повелось тогда воинам веселие и пожиток, егда рать воздвигнется»).

В посольских книгах обнаруживается прямая — иногда даже текстуальная — близость с посланиями Ивана Грозного Курбскому и несомненная тождественность комплекса общих представлений о происхождении и характере власти московских государей (в частности, и сравнительно с польскими королями). Даже известная формула царя в послании Курбскому о праве московских государей, которые «вольны были подвластных жаловати и казнити», близка к формулировке посольских книг 1562—1563 гг.: «Государь наш волен своих холопей казнити и жаловати»⁸. Близость польских посольских книг и переписки царя с Курбским легко находит объяснение, ибо переписка эта была не просто перепиской двух лиц, а памфлетной борьбой, рассчитанной на широкую аудиторию, в первую очередь на общественное мнение Польско-Литовского государства. Это — публицистический, а, следовательно, и публичный, поединок⁹. Очевидна целесообразность детального сравнительного изучения — и историко-содержательного, и текстологического (стилистика, словарь, редакции) — памятников публицистики и посольских дел, а также и летописей.

Посольские же книги доносят до нас и представления иностранцев о событиях российской истории, о значении деятельности тех или иных лиц. Так, например, в годы царствования Федора Ивановича, когда фактическим правителем был его шурин Борис Годунов (англичане его так и называли — «протектор»), польские представители сравнивали с ним «временного человека» конца 1540—1550-х годов Алексея Адашева, который «таково же правил». Уже одно это показывает достаточную основательность высказываний и царя Ивана, и Курбского о влиянии «Избранной рады» и ее руководителей на государственные дела, высказываний, подтверждаемых многообразными актовными и нарративными источниками. Обращает на себя внимание и то, что в ответ на доводы московской стороны о призна-

нии царского титула главными из государей католического и мусульманского мира — императором (цесарь — «всеми римскому закону глава») и «турским салтаном» (который «мусульманского закона глава») — старались противопоставить представление, будто титул «царь» не христианский, а «бусурманский»¹⁰. (Схожая формулировка встречается и в современных Ивану IV западноевропейских «летучих листках».)

Обычно краткие сведения о посольствах (и в Россию, и российских) приводились в XVI в. и в официальных летописях, — это позволяет не только выяснить интересные подробности политической истории, сведения о которых утрачены в посольских книгах, но и установить, какие именно моменты из отраженных в достаточно обширной посольской документации полагали нужным отметить в летописи, какова степень соответствия (и по содержанию, и по форме выражения) посольских документов и летописных текстов, какое влияние оказывала посольская документация на язык, терминологию летописи и т. д.

Посольские дела — ценнейший источник по истории языковой культуры XV—XVI вв. В это время постепенно создается единство основных норм языка и деловой письменности, административной терминологии и фразеологии. Роль «чиноначальников» Посольского приказа в этом плане была особенно значительной. И дело не только в том, что ими была закреплена, а в значительной мере и создана терминология дипломатическая и международного права Древней Руси¹¹ и благодаря им утверждались в русском языке иноязычные слова и выражения. Они влияли и на иные сферы государственного делопроизводства. К посольскому делу были приставлены особо влиятельные «думные люди», прежде всего «думные дьяки» (иностранцы называли их «канцлерами»), отвечавшие за оформление и других решений Боярской думы, составление царских грамот, памятников законодательства, описей главных архивов (Царского архива, позднее архива Посольского приказа). Несомненно их участие в составлении официальных летописей, публицистических, исторических сочинений.

Изучение посольских книг — особенно в сравнении с различными «посланиями» — расширяет наши представления и об особенностях риторики той эпохи. А ведь ораторская речь была тогда одним из мощных ресурсов литературы, почиталась особенно важной сферой словесного искусства.

Передавая свои наблюдения о незнакомой стране, содержание разговоров с иностранными послами, составители статейных списков переносили в текст привычные им понятия, нормы, термины: придворных иностранных государей (и христианских, и мусульманских) называли и перечисляли согласно русской иерархии («бояре», «дети боярские», «думные дьяки» и т. п.); названия и функции иноземных учреждений старались передать русскими определениями (или калькировали, заимствовали, перенося в русскую речь). Такое же явление характерно и для сочинений иностранцев о России.

Посольские дела много дают и для выявления элементов разговорной речи, близости «просторечия» к деловой письменности. Так, было очень употребительно

слово «собака» в значении «изменник». Оно встречается и в посольских наказах, и в посольских отчетах. Это и одно из самых любимых «кусательных словес» царя Ивана (особенно в переписке с Курбским). На вопрос об измене Курбского русский посол должен был отвечать: «Курбский государю нашему изменил, собакою потек, собатцки и пропадет». Близкая формулировка и в наказе другому послу, обязанному «молвити» уже об измене Дмитрия Вишневецкого: «...притек Вишневецкой ко государю нашему, как собака, и потек от государя нашего, как собака же». Подобные выражения, очевидно, входили в представления о «лае», когда посланнику в Польшу (1569) откровенно наказывалось: изменнику, «излаяв, да плюнути в глаза».

Автором некоторых дипломатических документов, прежде всего грамот иностранным государям, признают Ивана Грозного, включая их в издания его сочинений. В крымских делах оказалась и его переписка с бывшим приближенным опричником Василием Грязным. Возможно, что обнаружится продиктованное им и в посольских наказах, договорах. Заманчивая задача — определить тексты, составленные Ф. Карповым, А. Адашевым, Висковатым, Щелкаловыми и другими видными деятелями той поры. Это помогло бы, в свою очередь, выявлению и иных памятников, написанных при их участии.

Современные литературоведы справедливо рассматривают такие составные части посольских книг как отчеты об их поездках (основанные обычно на дневниковых записях) и как памятники повествовательной литературы. Они имеют много общего с публицистикой и определенным образом предвосхитили жанр путешествий (будучи и сами связаны с более древними образцами такого жанра — такими, как «Хождение за три моря» Афанасия Никитина и др.). Здесь особенно ясно наблюдается сближение литературы с деловой письменностью. Характерные черты этих сочинений показаны в работах Д. С. Лихачева, под редакцией которого была подготовлена книга «Путешествия русских послов XVI—XVII вв. в серии «Литературные памятники» в 1954 г.

Посольские книги — важнейший источник по истории общественно-политического сознания и психологии, культуры и языка XVI в., остающийся, однако, в этом плане еще малоизученным.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Краткую характеристику документации внешних сношений Российского государства см. в кн.: Шмидт С. О., Князьков С. Е. Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI—XVII вв. М., 1985. С. 59—65.
- ² Об этих публикациях см.: *Рогожин*. Публикация посольских книг. Много цитат из неопубликованных посольских книг в изд.: *Савва*. Посольский приказ. Вып. 1, 2.
- ³ *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. 3-е изд. СПб., 1910; Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. / Отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1986 (указана основная литература).